

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.105.3.041>

**ДИАГНОСТИКА ПАРАМЕТРОВ ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИСТОЧНИКАМИ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ**

Научная статья

Бакулева К.К.¹, Самуйлова И.А.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0002-1181-4208;

² ORCID: 0000-0002-2014-9430;

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (samiral[at]mail.ru)

Аннотация

В настоящей работе представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в 2020 году и направленного на изучение особенностей взаимодействия современной молодежи с различными источниками информации и их взаимосвязи с параметрами психолого-политической стабильности. Как результат, выделены общие и специфические факторы взаимодействия представителей молодежи и более взрослой выборки с социально-политической информацией. Общими стали факторы позитивной и критической оценки информации, специфическими: у молодежи – фактор информационной активности и фактор политической адаптивности, у взрослых – фактор политического консерватизма, а также факторы кредитности социального окружения и виртуальных источников. Данные, полученные в рамках исследования, позволяют расширить представление об особенностях взаимодействия молодежи с различными источниками социально-политической информации, причинах негативизации сферы политики и возможностях встраивания в действующую политическую систему. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегии представления политической информации в современных медиа, ориентированных на представителей данного поколения.

Ключевые слова: масс-медиа, информация, стабильность, молодежь.

**DIAGNOSTICS OF THE PARAMETERS OF PSYCHOLOGICAL AND POLITICAL STABILITY
IN THE CONTEXT OF INTERACTION WITH INFORMATION SOURCES**

Research article

Bakuleva K.K.¹, Samuylova I.A.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0002-1181-4208;

² ORCID: 0000-0002-2014-9430;

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (samiral[at]mail.ru)

Abstract

The current paper presents the results of an empirical study conducted in 2020 that was aimed at studying the features of the interaction of today's youth with various sources of information and their relationship with the parameters of psychological and political stability. As a result, the study identifies the general and specific factors of the interaction of the youth and adult group samples with sociopolitical information. The general factors are those of positive and critical evaluation of information, while the specific factors include the following: among young people, the factors of information activity and of political adaptability are observed, while among adults, these are the factors of political conservatism as well as those of trustworthiness of the social environment and virtual sources. The data obtained in the research allow the authors to expand the understanding of the peculiarities of the interaction of young people with various sources of sociopolitical information, the reasons for the negativization of the sphere of politics and the possibilities of integration into the current political system. The results obtained can be used to develop a strategy for presenting political information in modern media aimed at the current generation.

Keywords: mass media, information, stability, youth.

Введение

В современном научном дискурсе политическое участие понимают как действия, направленные на осуществление влияния групп и отдельных граждан на политическую систему [3]. Активность и направленность политического участия связывается со степенью вовлеченности членов общества в политико-властные отношения и доверия к представителям государственной власти, стремлением удовлетворить актуальные потребности и выразить свои интересы, а также уровнем экономического развития и состоянием общества (стабильность, переходность, кризис) [5], [9], [14].

Особую актуальность изучение политического участия граждан приобретает в связи с медиатизацией общества и усложнением виртуальных форм политической коммуникации. Формирование и функционирование тематических онлайн сообществ, Интернет-ресурсов, а также усложнение виртуальных форм коммуникации становятся действенным инструментом выражения позиций пользователей в отношении актуальных социально-политических вопросов и их мобилизации в реальной жизни [5].

В последние несколько лет очевидно формирование двух основных тенденций: снижение политической активности граждан и радикализация форм их политического участия. Причинами политизации протестных выступлений являются консолидация различных групп и объединений в условиях длительного неудовлетворения требований, конфликт элит в период конкурентной предвыборной кампании, нерешенность социально-экономических проблем, обеднение среднего класса [8].

Отказ от политического участия и проявление абсентеизма (ухода от участия в политике) связываются с молодым возрастом избирателей, демонстрирующим неприятие действующей власти, неверие в собственные силы и сомнение в возможности повлиять на результат выборов, отсутствие интереса к политической жизни. Также отмечается правовой и политический нигилизм, проявляющийся в скептическом отношении к власти, политическому режиму, закону и политическим ценностям [1].

Уходу от политики и негативизации социально-политических процессов также способствует взаимодействие с различными источниками, когда окружающее информационное пространство может провоцировать страх перед жизнью и формировать образ тревожного будущего [6], приводя к проявлению замкнутости, бездеятельности, социальному отвержению и отдалению от политической жизни с целью избегания возможной опасности.

В настоящей работе представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей взаимодействия современной молодежи с различными источниками информации и их взаимосвязи с параметрами психолого-политической стабильности. Характеристики молодежи имеют существенные отличия от привычных, устоявшихся политических практик более старших поколений. В декабре 2020 г. Государственная дума РФ приняла закон о молодежной политике в России, который повышает возраст молодежи до 35 лет включительно [11].

Методы и принципы исследования

В связи с тем, что нас интересовали особенности социально-политического участия российской молодежи, для осуществления сравнительного анализа также собирался материал на более взрослой выборке (от 36 лет и старше). Всего в исследовании приняли участие 144 респондента в возрасте от 18 до 74 лет преимущественно из Санкт-Петербурга, г. Москвы, а также некоторых регионов России. Из них: 72 человека в возрасте от 18 до 35 лет ($M=29,4$, $SD=3,6$; 72% - женщины), 72 человека в возрасте от 36 до 74 лет ($M=45,5$, $SD=8,5$; 74% - женщины).

Для достижения целей исследования использовались:

1) социально-демографическая анкета (вопросы об уточнении общих сведений о респондентах: пол, возраст, образование, город);

2) анкета для анализа степени значимости источников получения информации о ситуации в стране и в мире (перечень из 13-ти источников, через которые сегодня транслируется актуальная социально-политическая информация, 5-балльная шкальная оценка степени значимости). Также применялись анкета для выявления представлений о качествах политической информации: Самуйлова, Шлионский, 2007, анкета для выявления уровня политической медиакомпетентности: Бакулева, 2012, методика измерения уровня социальной агрессивности и социальной подчиненности населения: Самуйлова, 2020.

Анкета для выявления представлений о качествах политической информации разработана на основе схемы системно-психологического анализа управленческой и политической деятельности, предложенной А. И. Юрьевым для изучения особенностей интеллектуальной экспансии [15], а также подходов Г. В. Грачева, И. К. Мельника, А. И. Соловьева к анализу особенностей восприятия медиа [2], [10]. Анкета состоит из трех блоков, содержащих 22 утверждения, направленных на выявление:

1) психологических защитных механизмов (ПЗМ), проявляющиеся у аудитории при взаимодействии с источниками информации (4 утверждения);

2) соответствия сообщений критериям информационно-психологической безопасности (ИПБ, 4 утверждения);

3) оценки качеств сообщений при осуществлении адекватной и неадекватной интеллектуальной экспансии (КИ, 16 утверждений). Используется 5-ти балльная шкальная оценка степени согласия (1 – не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – затрудняюсь, 4 – скорее согласен, 5 – согласен). В анкете был сформулирован общий стимульный вопрос «Оцените, пожалуйста, сообщения о том, что происходит сегодня в России в связи с пандемией коронавируса (COVID-19)».

Анкета для определения уровня медиакомпетентности [1]

Разработана К. К. Бакулевой в 2012 году на основе трех компонентов медиакомпетентности (аффективного, когнитивного и операционального), выделенных в результате анализа теоретических данных. Направлена на оценку респондентами степени своей эмоциональной вовлеченности при восприятии медиа сообщений, склонности к анализу и собственной интерпретации медиа информации, знаний об особенностях работы СМИ, а также частоты контактов со СМИ. Анкета состоит из трех частей, по 8 утверждений в каждой, всего 24 утверждения. Используется 5-ти балльная шкальная оценка степени согласия (1 – не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – затрудняюсь, 4 – скорее согласен, 5 – согласен). За каждый ответ начисляется от 1 до 5 баллов. Суммарные значения колеблются от 24 до 120 баллов. Показатели уровня медиакомпетентности, не превышающие 60 баллов, оцениваются как низкие, попадающие в интервал от 61 до 80 баллов – как средние, а превышающие 81 балл – как высокие.

Методика измерения уровней социальной агрессивности и социальной подчиненности (Самуйлова, 2015) представляет собой экспресс-вариант оценки параметров социальной подчиненности и социальной агрессивности населения. Разработана на основании подхода к психолого-политической стабильности общества, предложенного А. И. Юрьевым [15], где политическая стабильность рассматривается как психологическая способность населения сохранить спокойное поведение, невзирая на внешние или внутренние неблагоприятные условия. Методика состоит из двух блоков (всего 8 утверждений, по 4 в каждом блоке), с которыми необходимо выразить степень своего согласия или несогласия со сформулированными в анкете утверждениями о жизни России по 5-ти балльной шкале.

Исследование проводилось дистанционно, с помощью специальных форм, созданных и размещенных в сети Интернет (сервис Google Forms), в апреле-июне 2020 года. Участники привлекались к заполнению данных форм через ссылку на исследование, размещенную в социальной сети ВКонтакте или распространяемую авторами данной статьи через сеть личных контактов в мессенджерах. Участие в исследовании было добровольным и не предполагало выплаты вознаграждения респондентам. Среднее время заполнения всех форм составляло 10-15 минут. Обработка

полученных данных, подсчёт результатов и статистический анализ производились с помощью методов математической статистики (первичные статистики, t-критерий Стьюдента, факторный и корреляционный анализ), включенных в программное обеспечение Microsoft Excel 2019 и IBM SPSS Statistics 22.0.0 [7].

Особенно отметим, что данные, представленные в настоящей статье, были получены в период принятия в России ряда ограничительных мер в связи с распространением новой коронавирусной инфекции Covid-19, а также подготовки к проведению референдума по вопросам внесения поправок в действующую Конституцию РФ. Что, на наш взгляд, с одной стороны, позволило получить некий срез общественных настроений в преддверии важных социально-политических изменений, а с другой, наложило отпечаток на восприятие респондентами информационных источников, освещающих положение дел в стране, и их отношение к проводимой политике.

Основные результаты и их обсуждение

Анализ степени значимости источников получения информации о ситуации в стране и в мире показал, что для молодежи наиболее значимыми являются официальные источники (ВОЗ, Министерство здравоохранения РФ, государственные и специальные интернет-ресурсы) – 62,5%, Интернет-ресурсы (сайты, блоги, форумы) – 59,7%, ближайшее окружение (знакомые, друзья, родственники) – 38,9%, социальные сети (Вконтакте, Facebook, Instagram и др.) – 36,1%, государственные органы (Президент, Правительство, Совет Федерации, Законодательное Собрание и др.) – 31,9%. Более старшая выборка к числу значимых также отнесла официальные источники (58,3%), ближайшее окружение (43,1%) и Интернет-источники (34,7%), однако далее, в отличие от молодых, в числе приоритетных особенно отметила семью (40,3%), традиционные СМИ (телевидение, радио, печать) – 36,1%.

С помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок было установлено наличие значимых различий между этими двумя группами в оценке значимости сообщений, исходящих от религиозных объединений ($p=0,017$), на уровне статистической тенденции – в традиционных средствах массовой информации ($p=0,086$) и мессенджерах ($p=0,076$). Для молодежи информация, исходящая от представителей религиозных объединений, является менее значимой, чем для взрослых, она более активна в обращении с мессенджерами и менее чувствительна к информации, циркулирующей в традиционных СМИ.

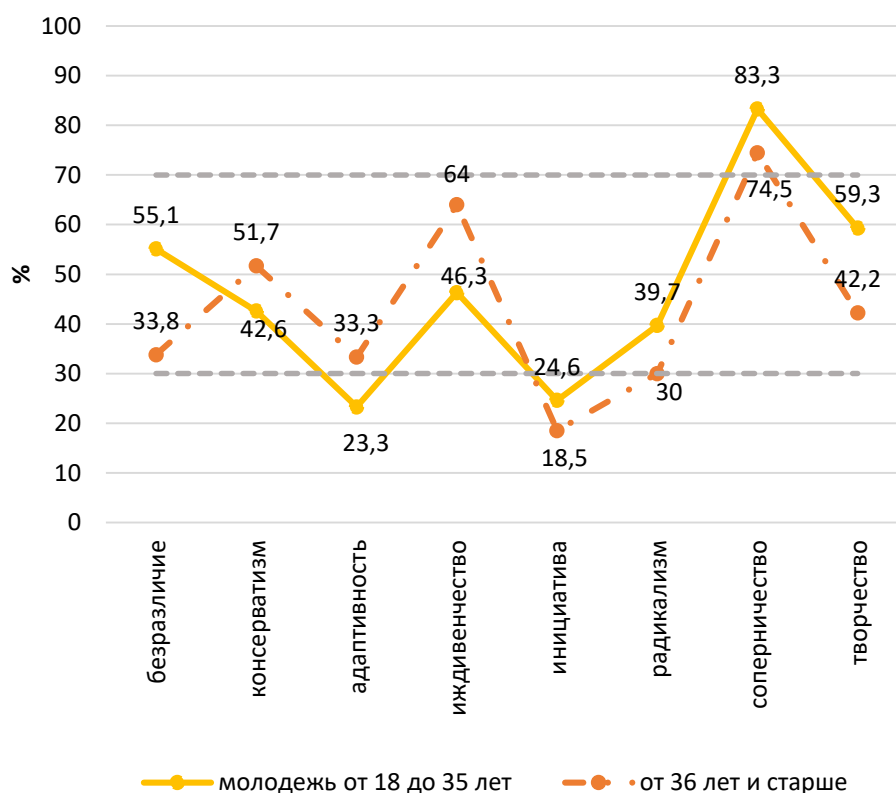

Рис. 1 – Параметры социальной подчиненности и социальной агрессивности у представителей молодежи (от 18 до 35 лет) и более взрослой выборки (от 36 лет и старше)

Анализ результатов методики на выявление параметров социально подчиненности и социальной агрессивности показал, что как у молодых, так и у взрослых респондентов снижены показатели инициативы и повышены показатели соперничества (см. рис.1). Отдельно, у молодых людей снижены показатели адаптивности, у взрослых – показатели радикализма. Остальные показатели находятся в пределах допустимого диапазона (от 30 до 70%).

Политическая инициатива проявляется в стремлении оказывать активное влияние на происходящие в стране процессы, возбуждается сильным политическим оптимизмом, сопровождается активной вовлеченностью в жизнь общества, характеризуется повышенной эмоциональностью и переменами в настроении. Политическое соперничество проявляется в убеждении о том, что страна должна развиваться по-другому, чем это делается сейчас. Политическая адаптивность основывается на стремлении быть сопричастным происходящим изменениям и их поддержке, политический радикализм – на уверенности необходимости кардинальных преобразований в общественной сфере [15].

Выход параметров психолого-политической стабильности за пределы нормы может свидетельствовать о проблемных точках, способных дестабилизировать политическую обстановку и приводить как к чрезмерной активности, так и к глубокой пассивности населения.

Таким образом, несмотря на наличие неудовлетворенности проводимой политикой, как молодежь, так и взрослые не готовы к активным индивидуальным действиям. Молодежь не поддерживает изменения в стране, а взрослые люди не являются сторонниками радикальных действий.

Проведение факторного анализа (метод главных компонент) позволило выделить 7 основных факторов в группе молодежи, объясняющих 59,6% общей дисперсии, и 6 основных факторов в группе 36+, объясняющих 63,8% общей дисперсии. Далее, опишем наиболее интересные результаты.

В группе молодежи ведущим стал фактор «позитивной оценки информации», объясняющий 22,9% всей дисперсии. В него вошли такие показатели оценки качества сообщений как практичность ($r=0,816$), системность ($r=0,789$), организованность ($r=0,730$), конкретность ($r=0,707$), объективность ($r=0,597$), понятность ($r=0,583$), дестабилизация ($r=-0,542$), достаточность ($r=0,476$), дезорганизация ($r=-0,449$), доверие к информации ($r=0,465$), а также степень значимости официальных источников ($r=0,451$) и информации, исходящей от государственных органов ($r=0,424$). Это значит, что при восприятии и обработке полученной информации молодежь исходит, в большей степени, из прагматичных соображений, оценивая не только степень доверия к информации, но и наличие в медиа источниках элементов встраивания данной информации в конкретные программы действий или поведенческие паттерны.

Во второй фактор, описывающий 10,2% всей дисперсии, вошли показатели оценки сообщений с точки зрения неадекватной интеллектуальной экспансии (дезинформирующая ($r=0,741$), деморализующая ($r=0,721$), дезориентирующая ($r=0,701$), дискредитирующая ($r=0,698$), дезинтегрирующая ($r=0,678$), дезорганизующая ($r=0,535$), фальсифицирующая ($r=0,401$)), а также психологические защиты, актуализирующиеся в процессе взаимодействия с информацией (блокировка ($r=0,686$), управление ($r=0,649$), затаивание ($r=0,608$)). В связи с этим данный фактор был назван нами фактором «критической оценки информации». Это означает, что в случае, когда информация расценивается молодежью как содержащая ложные сведения, отражающая борьбу между разными социальными и политическими силами, хаотичная и противоречивая, разрушающая существующие нормы и стандарты общественной жизни, она вызывает настороженность, критику, скептический настрой, побуждает к обмену мнениями и возникновению эмоциональных реакций.

Третий фактор, описывающий 7,6% всей дисперсии, был назван нами фактором «политической адаптивности», в него вошли такие показатели как адаптивность ($r=0,849$), консерватизм ($r=0,764$), соперничество ($r=-0,735$), радикализм ($r=-0,421$), а также оценка степени значимости информации, исходящей от государственных органов ($r=0,560$), и оценка степени достаточности информации ($r=0,450$). Таким образом, принятие молодежью действующих правил политической системы и поддержка проводимой политики связаны с оценкой информационной политикой представителей государственных органов и ощущением полноты информации о происходящих процессах.

Четвертый фактор, описывающий 5,5% всей дисперсии, был назван нами фактором «информационной активности» и включил в себя оценку актуальности ($r=0,631$) и необходимости ($r=0,629$) информации, уход от информации ($r=0,566$), оценка значимости мессенджеров ($r=0,561$), социальных сетей ($r=0,539$), Интернет-источников ($r=0,464$), а также уровень медиакомпетентности ($r=0,458$). Это означает, что молодежь предпочитает обращаться к виртуальным источникам информации в условиях поиска актуальной для себя информации, а также подтверждает значимость уровня медиакомпетентности для работы в информационном пространстве.

В группе респондентов более старшего возраста ведущим стал фактор, описывающий 28,2% всей дисперсии, который был обозначен нами так же, как и у молодежи, фактором «позитивной оценки информации» – в него вошли все показатели оценки сообщений с точки зрения адекватной интеллектуальной экспансии, особенно конкретность информации ($r=0,822$), а также доверие к информации ($r=0,565$), уход от информации ($r=0,700$), оценка степени значимости информации, исходящей от государственных органов ($r=0,598$) и из традиционных СМИ ($r=0,603$), а также уровень медиакомпетентности ($r=0,430$). Так, взрослые ищут в информации, прежде всего, конкретику, подтверждающую доверие к информации и побуждающую их приобщаться к информационному контенту. При этом особую важность для них имеют традиционные СМИ и представители госаппарата.

Во второй фактор, описывающий 11,9% всей дисперсии, вошли все показатели оценки качества сообщений с точки зрения неадекватной интеллектуальной экспансии, особенно – дезинформация ($r=0,897$), а также психологическая защита «блокировка» ($r=0,497$). Поэтому он также был назван нами фактором «критической оценки информации». Это означает, что при оценке сообщений как ложных, не соответствующих действительности, разрушающих основы социальной общности, они могут вызывать эмоциональную отчужденность, настороженность, повышение негативизма.

Третий фактор (фактор «кредитности социального окружения») описывает 7,9% всей дисперсии и включает оценку степени значимости информации, исходящей из различных источников: политические партии ($r=0,793$), образовательные учреждения ($r=0,769$), общественные организации ($r=0,746$), религиозные объединения ($r=0,738$), семья ($r=0,661$), правоохранительные органы ($r=0,560$), ближайшее окружение ($r=0,545$).

В четвертый фактор (фактор «политического консерватизма»), объясняющий 7% всей дисперсии, вошли такие показатели как консерватизм ($r=0,846$), адаптивность ($r=0,696$), соперничество ($r=-0,582$), а также оценка степени значимости официальных источников ($r=0,560$), государственных органов ($r=0,495$), правоохранительных органов ($r=0,440$) и традиционных СМИ ($r=0,424$).

В пятый фактор (фактор «кредитности виртуальных источников»), объясняющий 5,3% всей дисперсии, вошла оценка значимости социальных сетей ($r=0,750$), Интернет-источников ($r=0,713$) и мессенджеров ($r=0,746$), а также психологические защиты «блокировка» ($r=0,466$) и «управление» ($r=0,562$). Это говорит о склонности взрослых людей к критической оценке информации, полученной из данных источников, и стремлении к ее предварительному обсуждению для определения степени достоверности.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить общие и специфические факторы взаимодействия с социально-политической информацией представителей молодежи и более взрослой выборки. Общими стали факторы позитивной и критической оценки информации, специфическими: у молодежи – фактор информационной активности и фактор политической адаптивности, у взрослых – фактор политического консерватизма, факторы кредитности социального окружения и виртуальных источников. Позитивная оценка информации связана с оценкой сообщений как соответствующих критериям адекватной интеллектуальной экспансии, то есть формирующих ясное, полное сознание на основании полноты, организованности, системности, конкретности, практичности информации. Тогда как критичность и настороженность повышаются с оценкой информации как содержащей неверные, ложные, противоречивые сведения, вводящие в заблуждение, дискредитирующие социальные и политические группы, разъединяющие общество на противоположные части.

Молодые люди склонны к адаптации в политическую систему при условии достаточного, с их точки зрения, обоснования со стороны государственных органов правильности каких-либо действий, а более взрослые респонденты более позитивно оценивают действующую политику с учетом принятия информации, исходящей не только от государственных органов, но также от представителей правоохранительных организаций и традиционных СМИ.

Причинами использования молодежью виртуальных источников получения информации (Интернет-источники, социальные сети, мессенджеры) являются потребность в получении актуальной информации и уровень медиакомпетентности, благодаря которому удается лавировать в масштабном информационном потоке. Взрослые респонденты склонны к критической оценке данных источников, указывая в качестве кредитных реальное социальное окружение (политические партии, образовательные учреждения, общественные организации, семью, религиозные объединения, правоохранительные органы).

В целом, данные, полученные в настоящем исследовании, позволяют расширить представление об особенностях взаимодействия молодежи с различными источниками социально-политической информации, причинах негативизации политики в их сознании и возможностях встраивания в действующую политическую систему. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегии представления политической информации в современных медиа, ориентированных на представителей данного поколения.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31841.

Funding

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31841.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бакулева К. К. Когнитивные аспекты политического поведения избирателей : дисс. ... канд. психол. н. : 19.00.12 : защищена 30.03.16 : утв. 11.07.16 / Бакулева Карина Камелевна. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2015. – 169 с.
2. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности : состояние и возможности психологической защиты / Г. В. Грачев ; под общ. ред. С. А. Анисимова, А. А. Деркача. – Москва : Изд-во РГАС, 1998. – 120 с.
3. Киричек А.И. К вопросу о дифференциации содержания категорий «политическая активность», «политическое поведение», и «политическое участие» / А. И. Кричек // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – №3. – С. 34–37.
4. Косов Г. В. Протестный потенциал регионального сообщества в контексте анализа территориальных офф-лайн сообществ, виртуальных протестных сообществ и мнений гражданских активистов (кейс ставропольского края) / Г. В. Косов, А. Э. Гапич, О. В. Минкина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : История и право. – 2019. – Т. 9. – №6. – С. 141–149.
5. Кружкова О. В. Политическая активность современной российской молодежи и маргинальные политические практики / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, М. С. Кривошекова // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 9. – С. 22–31. DOI 10.26170/ro19-09-03.
6. Мельник Г. С. Медиаобраз России как стратегический ресурс государства / Г. С. Мельник, Н. О. Свешникова // Коммуникации в эпоху цифровых изменений. Сборник цифровых изменений. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 16–20 ноября 2020) / под ред. проф. А.Д. Кривоносова. – Paris : L'Harmattan; Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 130-132.
7. Наследов А. Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS : профессиональный статистический анализ данных / А. Д. Наследов. – Санкт-Петербург : Питер. 2013. – 416 с.
8. Неполитический протест в регионах: структура, динамика и возможности политизации // Агентство политических и экономических коммуникаций. [Электронный ресурс] URL: http://apcom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5673&sphrase_id=25000 (дата обращения: 20.02.2021).
9. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 496 с.
10. Самуйлова И. А. Роль качества сообщений масс-медиа в обеспечении информационно-психологической безопасности человека / И. А. Самуйлова // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность : коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2017. – С. 265–274.

11. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" // [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения: 20.02.2021)
12. Чирун С. Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности / С. Н. Чирун // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 332. – С. 50–54.
13. Шамионов Р. М. Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи / Р. М. Шамионов // Сибирский психологический журнал. – 2020. – № 77. – С. 176–195. DOI: 10.17223/17267080/77/9
14. Шестопап Е. Б. Политическая психология : Учебник для вузов / Е. Б. Шестопап. – Москва : ИНФРА-М, 2002. – 448 с.
15. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию : монография / А. И. Юрьев. – Санкт-Петербург : Изд-во С-Петерб. ун-та, 1992. – 227 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakuleva K. K. Kognitivnye aspekty politicheskogo povedeniya izbiratelej [Cognitive Aspects of Political Behavior of Voters] : dis. ... of PhD in Psychology : 19.00.12 : defense of the thesis 30.03.16 : approved 11.07.16 / Bakuleva Karina Kamelevna. – St. Petersburg : SPSU, 2015. – 169 p. [in Russian]
2. Grachev G. V. Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i vozmozhnosti psihologicheskoy zashchity [Informational and psychological security of the person : the state and possibilities of psychological protection] / G. V. Grachev / S. A. Anisimova, A. A. Derkach (Eds.). Moscow : RAGS. – 120 p. [in Russian]
3. Kirichek A. I. K voprosu o differenciacii sodержaniya kategorij «politicheskaya aktivnost'», «politicheskoe povedenie», i «politicheskoe uchastie» [About the differentiation of the content of the categories "political activity", "political behavior", and " political participation»] / A. I. Krichek // Obshchestvo : politika, ekonomika, parvo [Society: politics, economics, law]. – 2011. – №3. – P. 34–37. [in Russian]
4. Kosov G. V. Protestnyj potencial regional'nogo soobshchestva v kontekste analiza territorial'nyh off-lajn soobshchestv, virtual'nyh protestnyh soobshchestv i mnenij grazhdanskih aktivistov (kejs stavropol'skogo kraja) [Protest potential of a regional community in the context of analysis of territorial offline communities, virtual protest communities and opinions of civil activists (case of Stavropol region)] / G. V. Kosov, A. E. Gapich, O. V. Minkina // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriya i parvo [South-West State University Bulletin. Series : History and Law]. – 2019. – V. 9. – №6. – P. 141–149. [in Russian]
5. Kruzhkova O. V. Politicheskaya aktivnost' sovremennoj rossijskoj molodezhi i marginal'nye politicheskie praktiki [Political activity of modern Russian youth and marginal political practices] / O. V. Kruzhkova, I. V. Vorob'eva, M. S. Krivoshechekova // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogic education in Russia]. – 2019. – №9. – P. 22–31. DOI 10.26170/po19-09-03. [in Russian]
6. Mel'nik G. S. Mediaobraz Rossii kak strategicheskij resurs gosudarstva [Media image of Russia as strategic resource of State] / G. S. Melnik, N. O. Sveshnikova // Kommunikacii v epohu cifrovyyh izmenenij. Sbornik cifrovyyh izmenenij. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 16–20 noyabrya 2020 [Communications in the age of digital change. Collection of digital changes. Collection of scientific works of the IV International Scientific and Practical Conference. November 16-20, 2020] / A.D. Krivonosov (Eds.). – Paris : L'Harmattan; Saint-Peterburg : SPbGEU, 2020. – P. 130-132. [in Russian]
7. Nasledov A. D. IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyj statisticheskij analiz dannyh [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional Statistical Analysis of Data] / A. D. Nasledov. – St. Petersburg : Piter, 2013. – 416 p. [in Russian]
8. Nepoliticheskij protest v regionah: struktura, dinamika i vozmozhnosti politizacii [Non-political protest in the regions: structure, dynamics and opportunities for politicization] // Agentstvo politicheskij i ekonomicheskij kommunikacij [Agency for Political and Economic Communications]. [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/TgLkR> (accessed: 20.02.2021). [in Russian]
9. Ol'shanskij D. V. Osnovy politicheskoy psihologii [Fundamentals of political psychology] / D. V. Ol'shanskij. – Ekaterinburg : Delovaya kniga, 2001. – 496 p. [in Russian]
10. Samuilova I. A. Rol' kachestva soobshchenij mass-media v obespechenii informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti cheloveka [Role of the quality of mass media messages in ensuring information and psychological security of the person] / I. A. Samuilova // Informacionno-psihologicheskaya i kognitivnaya bezopasnost' [Information-psychological and cognitive security], I. F. Kefeli & R. M. Yusupova (Eds.). St. Petersburg : Petropolis. – P. 265–274. [in Russian]
11. Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2020 goda. №489-FZ "O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii" [Federal Law No. 489-FZ, December 30, 2020 "On Youth Policy in the Russian Federation"] // [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (assessed: 20.02.2021). [in Russian]
12. Chirun S. N. Politicheskaya aktivnost' i politicheskoe uchastie molodezhi: problemy i vozmozhnosti [Political activity and political participation of young people: challenges and opportunities] / S. N. Chirun // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. – 2010. – №332. – P. 50–54. [in Russian]
13. Shamionov R. M. Sootnoshenie social'noj aktivnosti i udovletvorennosti bazovyh psihologicheskijh potrebnostej, sub"ektivnogo blagopoluchiya i social'noj frustrirovannosti molodezhi [The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of young people] / R. M. Shamionov // Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian psychological journal]. – 2020. – №77. – P. 176–195. DOI: 10.17223/17267080/77/9 [in Russian]
14. Shestopal E. B. Politicheskaya psihologiya : Uchebnik dlya vuzov [Political psychology : Handbook] / E. B. Shestopal. – Moscow : INFRA-M, 2002. – 448 p. [in Russian]
15. Yuriev A. I. Vvedenie v politicheskuyu psihologiyu [Introduction to Political Psychology] / A. I. Yuriev. – St. Petersburg : SPSU, 1992. – 227 p. [in Russian]